

Все неожиданно в этом человеке. Неожиданно удивил своей яркостью и непохожестью спектакль «Добрый человек из Сезуана», поставленный им в театральном училище имени Б. В. Шукина. Неожиданно возникло горячее театральное место в Москве — на Таганке. Неожиданно — ново, талантливо, один за другим рождались спектакли Юрия Любимова, о которых говорила театральная Москва. И вот, как-то тоже неожиданно, Любимову стало 60 лет, возраст почтенный, но который ну никак не вяжется с этим задиристым, этим неуспокоенным человеком.

О Юрии Любимове пишут сейчас везде, и, наверное, много еще появится статей о его творчестве, о театре, о его влиянии на сегодняшнюю сцену. Но это дело театроведов и критиков. Поэтому я не берусь, да и не смогу анализировать творчество Юрия Любимова, как это могут сделать они. Меня интересует другое: есть же во всем этом своя корневая система? Есть корни? И, может быть, только мы, вахтанговцы, немного знаем эти корни. И тут я хочу вспомнить Юрия Любимова — вахтанговского актера.

НЕДЕЛЯ

16 ОКТ 1977

МАСТЕР

В 50-е годы он много играл в Театре Вахтангова, много снимался в кино. Играл успешно, разнообразно. И казалось, что только совершенствование актерского мастерства, новые роли, своеобразие и глубокое прочтение их — только это волновало талантливого актера.

Театралы, конечно, помнят и его очаровательного Шубина в спектакле «Накануне», и пылкого и упрямого Олега Кошевого в «Молодой гвардии», и упористого Кирилла Извекова в «Первых радостях», и горького и растерянного Виктора из «Иркутской истории», и много других прекрасных ролей, сыгранных им в Театре Вахтангова.

Но Любимова что-то томило, не устраивало, мучило. Он что-то хотел понять, что-то искал. Так, помню, он отправился на лекции М. А. Кедрова «О методе физических действий» и, чрезвычайно заинтересовавшись, начал, как это умел только он, буквально заговаривать всех, рассказывая об этих лекциях. Он был одержим этим увлечением и, как всякий одержимый, остро целенаправленный чело-

век, вызывал усмешки добропорядочных, снисходительно взвешивающих на его шалости мастеров своего дела. Чего он ищет, чудак, вместо того чтобы играть по доброй, старой, проверенной системе!

Характер Любимова и тогда уже давал о себе знать. Он был не очень мягок в оценке не нравившихся ему работ, приклеивал иногда обидные (но и очень меткие) словечки спектаклям, режиссерам, актерам.

Но... собственным своим творчеством того периода он доказывать свою правоту не мог. Взялся за режиссуру и поставил очень средний спектакль.

Любимов, как я думаю, в эти годы переживал мучительный период творческой жизни. Но он не сдавался и продолжал искать свой путь. Вероятно, это и толкнуло его в театральное училище имени Б. В. Шукина на педагогическую работу, куда он тоже вроде бы неожиданно пошел. А это был, вероятно, поиск самого себя. И когда появился ученический спектакль «Добрый человек из Сезуана», это был закономерный выход, а точнее —

извержение любимовской фантазии, любимовского максимализма и любимовских поисков и находок.

Неожиданность этого взрыва заключалась еще и в том, что в тот год, а, если я не ошибаюсь, это был 1963 год, Юрию Любимову было уже лет 45. Возраст весьма зрелый, и люди к этому возрасту обычно уже выстраивают путь своей жизни. А тут такой мощный всплеск режиссерской энергии и фантазии и своего четко сформулированного видения жизни и театра! Было чему удивиться. Однако не скрою, находились и такие, кто говорил, что это — случайно. Но следом за «Добрым человеком» родились «10 дней, которые потрясли мир», взорвался обнаженный и яростный «Пугачев» и смел все сомнения полный выдумки и фантазии занавес-метла «Гамлета».

Какая уж тут случайность! Любимов заявил и заявляет о себе прежде всего как художник-гражданин, чутко и остро отзывавшийся на глубинные вопросы общественной жизни.

На наших глазах в Театре

Вахтангова в мучительном желании найти свою дорогу, еще, может быть, не понимая, что его томит, родился режиссер Юрий Любимов. И если быть откровенным, мы эти роды проглядели. Но есть своя закономерность и в том, что именно вахтанговская школа выпестовала такого художника. Недаром же в фойе Театра на Таганке рядом с портретами К. С. Станиславского, Б. Брехта, В. Э. Мейерхольда висит и портрет Евгения Багратионовича Вахтангова. Надо полагать, что, вывесив эти портреты в театре, Юрий Любимов обнародовал свою родословную, творческие источники, которые его питали, помогли ему окрепнуть и встать на ноги.

А встав, он пошел своей дорогой. Но откуда же берется его творческая сила, такая фантазия? Может быть, они рождаются от редкого дара Любимова смотреть на мир глазами жадными и ненасытными, как бы впервые увидевшими мир и его многосложность? И как я помню Юрия Петровича еще по Театру Вахтангова, ему непременно надо было поделиться своими открытиями, своими недоумениями, своей радостью и горечью — заразить слушателя своим видением. По-другому он

не мог. Может быть, в этой жадности к жизни и в этой щедрости души и кроется одно из объяснений популярности Театра на Таганке?

А может быть, неповторимость Юрия Любимова еще и в том, что он не пользуется раз найденной и сотни раз использованной возможностью? В искусстве нет одной возможности. Фантазия Юрия Любимова ищет и отыскивает вдруг неожиданно новую, доселе никем не найденную возможность, новый путь, свежую тропу. И вот блеснули топоры и цепи в «Пугачеве», распался кузов грузовика в «А зори здесь тихие», сжали сердце песни в «Деревянных конях»...

«Ну, чем будем удивлять?» — часто говорил самобытнейший и тоже неожиданный художник театра Алексей Денисович Дикий.

И я хочу закончить эти несколько слов о Юрии Любимове вопросом: чем еще хорошим, нужным обществу, созвучным нашему неповторимому времени удивит театральный мир этот неожиданный Любимов? Интересно! Очень! Чрезвычайно интересно!

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.

МАСТЕР

Все неожиданно в этом человеке. Неожиданно удивил своей яркостью и непохожестью спектакль «Добрый человек из Сезуана», поставленный им в театральном училище имени Б. В. Шукина. Неожиданно возникло горячее театральное место в Москве — на Таганке. Неожиданно — ново, талантливо, один за другим рождались спектакли Юрия Любимова, о которых заговорила театральная Москва. И вот, как-то тоже неожиданно, Любимову стало 60 лет, возраст почтенный, но который ну никак не вяжется с этим задиристым, этим неуспокоенным человеком.

О Юрии Любимове пишут сейчас везде, и, наверное, много еще появится статей о его творчестве, о театре, о его влиянии на сегодняшнюю сцену. Но это дело театроведов и критиков. Поэтому я не берусь, да и не смогу анализировать творчество Юрия Любимова, как это могут сделать они. Меня интересует другое: есть же во всем этом своя корневая система? Есть корни? И, может быть, только мы, вахтанговцы, немного знаем эти корни. И тут я хочу вспомнить Юрия Любимова — вахтанговского актера.

НЕДЕЛЯ

16 ОКТ
1977

В театре Вахтангова, много лет играл в кино. Играл успешно, разнообразно. И казалось, что только совершенствование актерского мастерства, новые роли, своеобразное и глубокое прочтение их — только это волновало талантливого актера.

Театралы, конечно, помнят и его очаровательного Шубина в спектакле «Накануне», и пылкого и упрямого Олега Кошевого в «Молодой гвардии», и упористого Кирилла Извекова в «Первых радостях», и горького и растерянного Виктора из «Иркутской истории», и много других прекрасных ролей, сыгранных им в Театре Вахтангова.

Но Любимова что-то томило, не устраивало, мучило. Он что-то хотел понять, что-то искал. Так, помню, он отправился на лекции М. А. Кедрова «О методе физических действий» и, чрезвычайно заинтересовавшись, начал, как это умел только он, буквально заговаривать всех, рассказывая об этих лекциях. Он был одержим этим увлечением и, как всякий одержимый, остро целенаправленный чело-

вызывал усмешки добропорядочных, снисходительно взвешивающих на его шалости мастеров своего дела. Чего он ищет, чудак, вместо того чтобы играть по доброй, старой, проверенной системе!

Характер Любимова и тогда уже давал о себе знать. Он был не очень мягок в оценке не нравившихся ему работ, приклеивал иногда обидные (но и очень меткие) словечки спектаклям, режиссерам, актерам.

Но... собственным своим творчеством того периода он доказать свою правоту не мог. Взялся за режиссуру и поставил очень средний спектакль.

Любимов, как я думаю, в эти годы переживал мучительный период творческой жизни. Но он не сдавался и продолжал искать свой путь. Вероятно, это и толкнуло его в театральное училище имени Б. В. Шукина на педагогическую работу, куда он тоже вроде бы неожиданно пошел. А это был, вероятно, поиск самого себя. И когда появился ученический спектакль «Добрый человек из Сезуана», это был закономерный выход, а точнее —

извержение любимовской фантазии, любимовского максимализма и любимовских поисков и находок.

Неожиданность этого взрыва заключалась еще и в том, что в тот год, а, если я не ошибаюсь, это был 1963 год, Юрию Любимову было уже лет 45. Возраст весьма зрелый, и люди к этому возрасту обычно уже выстраивают путь своей жизни. А тут такой мощный всплеск режиссерской энергии и фантазии и своего четко сформулированного видения жизни и театра! Было чему удивиться. Однако не скрою, находились и такие, кто говорил, что это — случайно. Но следом за «Добрый человек» родились «10 дней, которые потрясли мир», взорвался обнаженный и яростный «Пугачев» и смел все сомнения полный выдумки и фантазии занавес-метла «Гамлета».

Какая уж тут случайность! Любимов заявил и заявляет о себе прежде всего как художник-гражданин, чутко и остро отзывающийся на глубинные вопросы общественной жизни.

На наших глазах в Театре

Вахтангова в мучительном желании найти свою дорогу, еще, может быть, не понимая, что его томит, родился режиссер Юрий Любимов. И если быть откровенным, мы эти роды проглядели. Но есть своя закономерность и в том, что именно вахтанговская школа выпестовала такого художника. Недалеко же в фойе Театра на Таганке рядом с портретами К. С. Станиславского, Б. Брехта, В. Э. Мейерхольда висит и портрет Евгения Багратионовича Вахтангова. Надо полагать, что, вывесив эти портреты в театре, Юрий Любимов обнародовал свою родословную, творческие источники, которые его питали, помогли ему окрепнуть и встать на ноги.

А встав, он пошел своей дорогой. Но откуда же берется его творческая сила, такая фантазия? Может быть, они рождаются от редкого дара Любимова смотреть на мир глазами жадными и ненасытными, как бы впервые увидевшими мир и его многосложность? И как я помню Юрия Петровича еще по Театру Вахтангова, ему непременно надо было поделиться своими открытиями, своими недоумениями, своей радостью и горечью — заразить слушателя своим видением. По-другому он

не мог. Может быть, в этой жадности к жизни и в этой щедрости души и кроется одно из объяснений популярности Театра на Таганке?

А может быть, неповторимость Юрия Любимова еще и в том, что он не пользуется раз найденной и сотни раз использованной возможностью? В искусстве нет одной возможности. Фантазия Юрия Любимова ищет и отыскивает вдруг неожиданно новую, доселе никем не найденную возможность, новый путь, свежую тропу. И вот блеснули топоры и цепи в «Пугачеве», распался кузов грузовика в «А зори здесь тихие», сжали сердце песни в «Деревянных конях»...

«Ну, чем будем удивлять?» — часто говорил самобытнейший и тоже неожиданный художник театра Алексей Денисович Дикий.

И я хочу закончить эти несколько слов о Юрии Любимове вопросом: чем еще хорошим, нужным обществу, созвучным нашему неповторимому времени удивит театральный мир этот неожиданный Любимов? Интересно! Очень! Чрезвычайно интересно!

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.